

ОТСТАЛ ОТ ЖИЗНИ

Моя первая встреча с доктором Джеймсом Винтером произошла при весьма драматических обстоятельствах. Случилось это в спальне старого загородного дома в два часа ночи. Пока доктор с помощью женщин заглушал фланелевой юбкой мои гневные вопли и купал меня в теплой ванне, я дважды лягнул его в белый жилет и сбил с носа очки в золотой оправе. Мне рассказывали, что оказавшийся при этом один из моих родителей тихонько заметил, что с легкими у меня, слава богу, все в порядке. Не могу припомнить, как выглядел в ту пору доктор Винтер: меня тогда занимало другое, — но он описывает мою внешность отнюдь не лестно. Голова лохматая, тельце, как у общипанного гусенка, ноги кривые — вот что ему в ту ночь запомнилось.

С этой поры периодические вторжения в мою жизнь доктора Винтера разделяют ее на эпохи. Он делал мне прививки, вскрывал нарывы, ставил во время свинки компрессы. На горизонте моего безмятежного существования маячило единственное грозное облако — доктор. Но пришло время, когда я заболел по-настоящему: долгие месяцы провел я в своей плетеной кровати, и вот тогда я узнал, что суровое лицо доктора может быть приветливым, что скрипучие, сработанные деревенским сапожником

башмаки его способны удивительно осторожно приближаться к постели и что, когда доктор разговаривает с больным ребенком, грубый голос его смягчается до шепота.

Но вот ребенок вырос и сам стал врачом, а доктор Винтер остался как был. Только побелели волосы, да еще более опустились могучие плечи. Доктор очень высокий, но из-за своей сутулости кажется дюйма на два ниже. Широкая спина его столько раз склонялась над ложем больных, что и не может уже распрямиться. Сразу видно, что часто приходилось ему шагать в дождливые, ветреные дни по унылым деревенским дорогам, — такое темное, обветренное у него лицо. Издали оно кажется гладким, но вблизи видны бесчисленные морщинки — словно на прошлогоднем яблоке. Их почти незаметно, когда доктор спокоен, но стоит ему засмеяться, как лицо его становится похожим на треснутое стекло, и тогда ясно, что лет старику еще больше, чем можно дать на вид. А сколько ему на самом деле, я так и не смог узнать. Частенько пытался я это выяснить, добирался до Георга IV и даже до регентства, но до исходной точки так никогда и не дошел. Вероятно, ум доктора стал очень рано впитывать всевозможные впечатления, но рано и перестал воспринимать что-либо новое, поэтому волнуют доктора проблемы прямо-таки допотопные, а события наших дней его совсем не занимают. Толкуя о реформе избирательной системы, он сомневается в ее разумности и неодобрительно качает головой, а однажды, разгорячившись после рюмки вина, он гневно осуждал Роберта Пиля и отмену хлебных законов. Со смертью этого государственного деятеля история Англии для доктора Винтера закончилась,

и все позднейшие события он расценивает как явления незначительные.

Но только став врачом, смог я убедиться, какой совершеннейший пережиток прошлого наш доктор. Медицину он изучал по теперь уже забытой и устаревшей системе, когда юношу отдавали в обучение к хирургу и анатомию штудировали, прибегая к раскопке могил. В своем деле он еще более консервативен, чем в политике. Пятьдесят лет жизни мало что ему дали и еще меньшего лишили. Во времена его юности широко обучали делать вакцинацию, но мне кажется, в душе он всегда предпочитал прививки.

Он бы охотно применял кровопускание, да только теперь никто этого не одобряет. Хлороформ доктор считает изобретением весьма опасным и, когда о нем упоминают, недоверчиво щелкает языком. Известно, что он нелестно отзывался даже о Лаэннеке и называл стетоскоп «новомодной французской игрушкой». Из уважения к своим пациентам доктор, правда, носит в шляпе стетоскоп, но он туг на ухо, и потому не имеет никакого значения, пользуется он инструментом или нет.

По долгу службы он регулярно читает медицинский еженедельник и имеет общее представление о научных достижениях, но продолжает считать их громоздкими и смехотворными экспериментами. Он едко иронизировал над теорией распространения болезней посредством микробов и любил шутя повторять у постели больного: «Закройте дверь, не то налетят микробы». По его мнению, теория Дарвина — самая удачная шутка нашей эпохи. «Детки в детской, а их предки в конюшне!» — кричал он и хохотал так, что на глазах выступали слезы.

Доктор настолько отстал от жизни, что иной раз, к немалому своему изумлению, он обнаруживает — поскольку в истории все повторяется, — что применяет новейшие методы лечения. Так, в дни его юности было очень модно лечить диетой, и тут он превосходит своими познаниями любого другого известного мне врача. Массаж ему тоже хорошо знаком, тогда как для нашего поколения он новинка. Доктор проходил курс наук, когда применяли еще очень несовершенные инструменты и учили больше доверять собственным пальцам. У него классическая рука хирурга с развитой мускулатурой и чувствительными пальцами — «на кончике каждого — глаз».

Вряд ли я забуду, как мы с доктором Паттерсоном оперировали сэра Джона Сирвелла. Мы не могли отыскать камень. Момент был ужасный. Карьера Паттерсона и моя висела на волоске. И тогда доктор Винтер, которого мы только из любезности пригласили присутствовать при операции, запустил в рану палец — нам с перепугу показалось, что длиной он никак не меньше девяти дюймов, — и в мгновение ока выудил камень.

— Всегда хорошо иметь в кармашке жилета такой инструмент, — посмеиваясь, сказал он тогда, — но, по-моему, вы, молодые, это презираете.

Мы избрали его президентом местного отделения Ассоциации английских медиков, но после первого же заседания он сложил с себя полномочия.

— Иметь дело с молодежью — не для меня, — заявил он. — Никак не пойму, о чем они толкуют.

А между тем пациенты его благополучно выздоравливают. Прикосновение его целительно — это его магическое свойство невозможно ни объяснить, ни постигнуть, но тем не менее это очевидный факт.

Одно лишь присутствие доктора наполняет больных надеждой и бодростью. Болезнь действует на него, как пыль на рачительную хозяйку: он сердится и жаждет взяться за дело.

— Ну, ну, так не пойдет! — восклицает он, впервые посещая больного. Он отгоняет смерть от постели, как случайно влетевшую в комнату курицу. Когда же незваный гость не желает удалиться, когда кровь течет все медленнее и глаза мутнеют, тогда присутствие доктора Винтера полезнее любых лекарств. Умиравшие не выпускают руку доктора; его крупная энергичная фигура и жизнелюбие вселяют в них мужество перед роковой переменой. Многие страдальцы унесли в неведомое как последнее земное впечатление доброе обветренное лицо доктора.

Когда мы с Паттерсоном — оба молодые, полные энергии современные врачи — обосновались в этом районе, старый доктор встретил нас очень сердечно, он был счастлив избавиться от некоторых пациентов. Однако сами пациенты, следуя собственным пристрастиям — отвратительная манера! — игнорировали нас со всеми нашими новейшими инструментами и алкалоидами. И доктор продолжал лечить всю округу александрийским листом и каломелью. Мы оба любили старика, но между собой, однако, не могли удержаться, чтобы не посетовать на прискорбное отсутствие у пациентов здравого смысла.

— Бедняки-то уж понятно, — говорил Паттерсон. — Но люди образованные вправе ожидать от лечащего врача умения отличить шум в сердце при митральном пороке от хрипов в бронхах. Главное — способность врача разобраться в болезни, а не то, симпатичен он тебе или нет.

Я полностью разделял мнение Паттерсона. Но вскоре разразилась эпидемия гриппа, и от усталости мы валялись с ног.

Утром, во время обхода больных, я встретил Паттерсона, он показался мне очень бледным и изможденным. То же самое он сказал обо мне. Я и в самом деле чувствовал себя скверно и после полудня весь день пролежал на диване — голова раскалывалась от боли, и страшно ломило суставы.

К вечеру сомнений не оставалось — грипп свалил и меня. Надо было немедленно обратиться к врачу. Разумеется, прежде всего я подумал о Паттерсоне, но почему-то мне стало вдруг неприятно.

Я вспомнил, как он хладнокровно, придирчиво обследует больных, без конца задает вопросы, бесконечно берет анализы и барабанит пальцами. А мне требовалось что-то успокаивающее, более участливое.

— Миссис Хадсон, — сказал я своей домохозяйке, — сходите, пожалуйста, к старику Винтеру и скажите, что я был бы крайне ему признателен, если б он навестил меня.

Вскоре она вернулась с ответом:

— Доктор Винтер, сэр, заглянет через часок, его только что вызвали к доктору Паттерсону.

ЕГО ПЕРВАЯ ОПЕРАЦИЯ

В первый день зимней сессии по улице Эдинбурга шли два студента — третьекурсник и первокурсник. Часы на Тронской церкви показывали полдень.

— Послушай, — обратился к спутнику третьекурсник. — Ты, наверное, еще ни разу не присутствовал на операции?

— Ни разу.

— Тогда давай зайдем сюда. Это знаменитый бар Розерфорда. Бармен, будьте любезны: стакан хереса для этого джентльмена. Как у тебя с нервами?

— Боюсь, не очень.

— Хм! Будьте добры, еще один стакан хереса для этого джентльмена. Видите ли, мы идем на операцию.

Первокурсник развернул плечи и совершил благородную попытку выглядеть невозмутимым.

— Надеюсь, ничего страшного, а?

— Как тебе сказать... вообще-то, может оказаться довольно жутко.

— Неужели... неужели ампутация?

— Нет. Дело еще серьезнее.

— Думаю... понимаешь, вспомнил, что меня ждут дома.

— Отлынивать бессмысленно. Если не пойдешь сегодня, все равно придется идти завтра, так что лучше пересилить себя. Ну как, готов?

— О, да! Все в порядке.

Попытка невозмутимо улыбнуться успехом не увенчалась.

— Тогда еще один стакан хереса. Ну вот, а теперь пора идти, не то опоздаем. Хочу занять места в первом ряду.

— Уверен, в этом нет необходимости.

— Напротив, так будет намного лучше! Соберется толпа студентов, будет много новичков. Их легко заметить: стоят бледные и перепуганные, будто это их будут оперировать.

— Ну я вряд ли побледнею.

— Не зарекайся. Ничего, поначалу я и сам таким был. Но страх быстро проходит. Тот самый парень, который на первой операции сидит с мертвенно-бледным лицом, уже через неделю преспокойно жует бутерброд в прозекторской. Когда придем в аудиторию, подробно изложу историю болезни.

К клинике двигалась плотная толпа студентов, каждый нес небольшую стопку тетрадей и блокнотов. В рядах стремящихся к знаниям молодых людей встречались и только что окончившие школу бледные, испуганные юноши, и закоренелые очерстевшие ветераны, чьи бывшие однокурсники давно стали докторами. Шумный, стремительный поток вырывался из ворот университета и тек в сторону больничного корпуса. Хотя фигуры джентльменов, равно как и походка, свидетельствовали о возрастной свежести, далеко не все лица выглядели цветущими. Некоторые физиономии сообщали, что их владельцы слишком мало едят, а некоторые заявляли об избыточном потреблении крепких напитков. Высокие и низкорослые, одетые в твидовые костюмы и простые черные куртки, плотные и худые, спортивного вида и очкарики — постукивая о булыжную мосто-

вую каблуками и тростями, студенты целеустремленно и дружно направлялись к воротам клиники. Время от времени толпа расступалась, пропуская экипажи служивших при университете хирургов.

— На операции Арчера всегда собирается много народу, — возбужденным шепотом сообщил старший из приятелей. — Потрясающе работает! Однажды я видел, как он оперирует аорту, так от восторга чуть с ума не сошел! Нам сюда. Осторожнее, на стенах побелка, не испачкайся.

Пройдя под аркой, они направились по длинному, вымощенному старинными потертыми плитами коридору, по обе стороны которого располагались пронумерованные, но давно не крашенные двери. Некоторые оставались открытыми, и в одну из них первокурсник осмелился осторожно заглянуть. Вид палаты сразу успокоил: взору предстало симпатичное, бодрящее зрелище: ярко горящий камин, ряды аккуратно застеленных белых кроватей, множество ярких плакатов на стенах. Коридор привел в небольшой зал, где на скамьях вдоль стен сидели бедно одетые люди. От одного посетителя к другому переходил молодой человек с ножницами, торчащими в петлице, как бутоньерка, что-то тихо спрашивал и записывал ответы в блокнот.

— Есть что-нибудь интересное? — осведомился третьекурсник.

— Вы бы вчера зашли, — обернувшись, ответил дежурный фельдшер. — Ну и денек выдался! Аневризма подколенной артерии, перелом лучевой кости, *spina bifida*¹, амёбный абсцесс и пахидермия. Каков набор?

— Жалею, что пропустил. Но ведь все эти пациенты придут снова, полагаю? А что случилось с тем пожилым джентльменом?

¹ Расщепление позвоночника (*лат.*).

В дальнем углу, медленно, со стонами раскачиваясь, скорчился молодой рабочий. Сидевшая рядом женщина старалась его утешить и нежно поглаживала по плечу рукой, покрытой странными мелкими волдырями.

— Огромный, великолепный карбункул, — пояснил фельдшер с видом знатока, описывающего свои орхидеи слушателю, способному в полной мере оценить достоинства экзотических растений. — На спине, а в коридоре сквозняк, так что осмотреть пока не сможем. Верно, папаша? — обратился он к больному и, указывая на обезображенные руки спутницы, продолжил: — Пузырчатка. Кстати, не хотите ли задержаться у нас и между делом удалить пястную кость?

— Нет, благодарю. Нам пора: идем на операцию Арчера. — С этими словами третьекурсник уверенно влился в спешившую в демонстрационный зал толпу, а первокурсник покорно последовал за ним.

Поднимавшийся от пола до потолка полукруглый амфитеатр оказался переполненным. Войдя, новичок смутно, словно в тумане, увидел длинные изогнутые ряды лиц, услышал приглушенное гуденье сотни голосов. Откуда-то сверху донесся непринужденный смех. Старший товарищ нашел свободное место во втором ряду, и оба не без труда втиснулись в пространство, предназначенное для одного.

— Отлично! — прошептал третьекурсник. — Прекрасно все увидишь и услышишь.

И правда, от операционного стола приятелей отделял только один ряд голов. Стол представлял собой неокрашенную поверхность — ровную, крепкую и безупречно чистую. Половину ее покрывала коричневая клеенка, а рядом, на полу, стоял полный опилок большой оловянный поддон. Чуть дальше, перед ок-

ном, располагался стол поменьше, где в строгом порядке лежали блестящие хирургические инструменты: щипцы, расширители, пилы, троакары и разнообразных размеров крючки. Отдельно, сбоку, располагался ряд длинных, тонких, чрезвычайно острых скальпелей. Возле всего этого богатства в свободных позах сидели два молодых человека: один заправлял в иглы нитки, а второй что-то делал с похожей на кофеварку, с шипением выпускавшей пар медной посудинной.

— Тот крупный лысый мужчина в первом ряду — это Питерсон, — почтительным шепотом пояснил третьекурсник. — Специалист по пересадке кожи. А рядом — Энтони Браун, который прошлой зимой успешно удалил гортань. Дальше сидят патологоанатом Мерфи и окулист Стоддарт. Скоро со всеми познакомишься.

— А что за люди вон там, возле хирургического стола?

— Да никто — просто ассистенты. Один отвечает за инструменты, а другой занимается «пыхтящим Билли». Так мы прозвали антисептический распылитель Листера. Надо сказать, что Арчер — ярый поборник карболовой кислоты и непримиримо враждует с Хейесом, главой школы безупречной чистоты и холодной воды. Эти светила смертельно друг друга ненавидят.

Две медсестры вывели женщину в нижней юбке и корсаже, и по рядам пронесся оживленный, заинтересованный шепот. Голову и шею пациентки прикрывала красная шаль. Лицо свидетельствовало о расцвете лет, однако в то же время красноречиво говорило о страдании и отличалось специфическим восковым оттенком. Женщина шла, понурившись, а одна из медсестер, обняв ее за талию, шептала на ухо слова утешения. Проходя мимо инструмен-

тального стола, пациентка бросила на него беглый взгляд, однако медсестры тут же увели ее прочь.

— Чем она больна? — с трепетом осведомился первокурсник.

— Раком околоушной железы. Особенно тяжелый случай: опухоль уже проникла за сонную артерию. Никто, кроме Арчера, не взялся бы оперировать. А вот и наш профессор собственной персоной!

В этот момент, потирая руки, в зал стремительно вошел невысокий, подвижный, похожий на морского офицера человек с чисто выбритым лицом. Сходство придавали большие светлые глаза, прямой твердый рот и четко очерченный подбородок. Следом за ним в аудитории появился высокого роста штатный хирург больницы в блестящем пенсне. Вокруг стола тут же разместилась стайка ассистентов.

— Джентльмены! — громким голосом, под стать решительным живым манерам, обратился к присутствующим профессор Арчер. — Здесь мы имеем интересный случай опухоли околоушной железы, исходно хрящевого генеза, впоследствии малигнизировавшей и требующей удаления. Положите больную на стол, сестра! Благодарю. Хлороформ, ассистент! Спасибо! Сестра, можете снять покрывало.

Пациентка легла на клеенчатую подушку, и внимательным взглядам наблюдателей открылась смертоносная опухоль. Само по себе новообразование выглядело даже симпатичным: цвета слоновой кости, оплетенное просвечивающими сквозь кожу голубыми венами, оно мягко изгибалось и спускалось от челюсти к груди. Однако изможденное желтое лицо и жилистое горло больной пугающе контрастировали с пухлой мягкостью и гладкостью чудовищного нароста. Хирург положил руки с обеих сторон опухоли и медленно пошевелил ее из стороны в сторону.

— Прочно держится на одном месте, джентльмены! — громко заявил он. — Вовлечена сонная артерия, яремная вена, и проходит за ответвлением нижней челюсти, куда нам придется проникнуть. Пока трудно предположить, насколько глубокое рассечение потребуется в данном случае. Попрошу поднос с карболкой. Спасибо! А теперь, пожалуйста, повязки, пропитанные карболовой кислотой. Мистер Джонсон, обеспечьте подачу хлороформа. И приготовьте маленькую пилу на тот случай, если придется удалить челюсть.

Из-под закрывавшего лицо пациентки полотенца донеслись слабые стоны. Она попыталась поднять руки и согнуть ноги в коленях, однако два крепких ассистента не позволили это сделать. И без того тяжелый воздух операционного зала наполнился едкими запахами карболовой кислоты и хлороформа. Из-под полотенца послышался приглушенный возглас, а потом высокий, дрожащий, монотонный голос пропел:

«Мой миленький сказал:
Если пойдешь со мной,
То станешь моей женой,
Станешь хозяйкой тележки...»

Песенка стихла, а потом и вовсе замерла. По-прежнему потирая руки, знаменитый хирург подошел к амфитеатру и обратился к сидевшему в первом ряду, непосредственно перед первокурсником, пожилому джентльмену:

— Правительство на грани провала.

— Чтобы удержаться на плаву, им вполне хватило бы большинства в десять голосов, — ответил тот.

— Не наберут и десятка. Чем оказаться перед фактом, лучше бы сами подали в отставку.

— На их месте я бы боролся до конца.